

КТО И С КЕМ ПИСАЛ ИЛИ НЕ ПИСАЛ СТИХИ. (К ИСТОРИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПИГРАММЫ «СЧАСТЛИВ ТЫ В ПРЕЛЕСТНЫХ ДУРАХ...»)

ТАТЬЯНА КИТАНИНА

Статья посвящена двум старым, но не закрепившимся в пушкиноведении гипотезам относительно источника стихотворения «Счастлив ты в прелестных дурах...» и адресата этой пушкинской эпиграммы. В результате новых текстологических наблюдений и биографических изысканий обе гипотезы получают подтверждение и устанавливается ассоциативная связь между героем источника, куплета Вольтера, Станисласом де Буффлером — и героем пушкинской эпиграммы, Руфином Дороховым. При этом проявляется тот иронический смысл, который был заложен в таком сопоставлении.

Ключевые слова: Пушкин, «Счастлив ты...», текстология, комментарий, Дорохов, Буффлер.

Tatyana Kitanina. Who and with whom did and did not write poetry (To the history of the Pushkin epigram “Schastliv ty v prelestnyh durah...”)

The article is devoted to two old hypotheses regarding the source of the poem “Schastliv ty v prelestnyh durah...” and the addressee of this Pushkin epigram, which haven't become mainstream in Pushkin studies. New textual observations and biographical research confirm both hypotheses and establish correspondence between Stanislas de Boufflers — the hero of the source poem by Voltaire, and Rufin Dorokhov — the hero of Pushkin's epigram. This correspondence reveals the ironic meaning of the poem.

Keywords: Pushkin, “Schastliv ty...”, textology, commentary, Dorokhov, Boufflers.

В Северных цветах на 1830 г. Пушкин за подписью А. П. напечатал стихотворение, имевшее тогда заглавие «К NN»:

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуеле,
Ты разрублен на войне —

Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне¹.

Еще не зная адресата этого стихотворения, Н. О. Лернер высказал предположение, что литературным источником для Пушкина послужил Вольтеровский «Куплет к мадам Крамер о шевалье де Буффлере» («Couplet à madame Cramer, sur M. Le Chevalier de Boufflers»):

Mars l'enlève au séminaire ;
Tendre Vénus, il te sert ;
Il écrit avec Voltaire ;
Il sait peindre avec Hubert
Il fait tout ce qu'il veut faire ;
Tous les arts sont sous sa loi :
De grâce, dis-moi, ma chère,
Ce qu'il sait faire avec toi².

Однако предположение Лернера не нашло поддержки, прошло незамеченным, и больше этот источник в связи с пушкинским стихотворением не упоминался.

Зато в 1949 г., по-видимому, Б. В. Томашевский обнаружил возможного адресата пушкинского послания — комментируя для Малого академического собрания сочинений «Путешествие в Арзрум» [Пушкин 1949а: VI, 789], он обратил внимание на спутника Пушкина и Михаила Пущина по пути из Владикавказа на кавказские воды Руфина Ивановича Дорохова (1801–1852) — и предположил, что именно к нему может быть обращено «Счастливы ты в прелестных дурах...». Возможно, впрочем, что догадка принадлежит М. А. Цявловскому: в издании ГИХЛ того же 1949 г., где стихотворения комментировал Цявловский, без всяких пояснений говорится что «Счастливы ты...» — «дружеская эпиграмма на офицера Р. И. Дорохова», причем под этим комментарием (единственным) в скобках стоит отдельная подпись «М. Цявловский», видимо, указывающая на его оригинальность и сделанную в нем находку [Пушкин 1949б: II, 561]. Оба тома были подписаны в печать в марте 1949 г. (том Цявловского — 10.03, том Томашевского — 31.03), при этом в томе стихотворений Малого академического собрания, подготовленном Томашевским и также подписанном

¹ Северные цветы на 1830 год, СПб., 1829. Отдел: Поэзия. С. 125; [Пушкин 1937–1949: III, 171].

² «Марс отнимает его у семинарии, / Нежная Венера, он служит тебе, / Он пишет с Вольтером, / Он рисует с Юбером, / Он делает все, что ему хочется делать, / Все искусства подвластны ему — / Пожалуйста, скажи мне, моя дорогая, / Что он делает с тобой?» ([Voltaire 1817: 491]; указано: [Лернер 1929: 211–212]).

в печать в марте 1949 г. (23.03), адресат стихотворения не указан [Пушкин 1949а: II, 498]. Поскольку никто из составителей на этапе подготовки комментариев не мог увидеть вышедший том коллеги, остается два возможных предположения — или ученые сделали открытие независимо друг от друга, или адресат эпиграммы обсуждался в каком-то ином формате. Краткость комментариев в обоих изданиях не позволяла ссылаться на источники информации. Так или иначе, казалось бы, в 1949 г. адресат был установлен и утвержден двумя авторитетными изданиями.

Однако вскоре Томашевский отменил эту гипотезу — в комментариях к стихотворениям Пушкина в Большой серии Библиотеки поэта 1955 г. он написал: «Высказывалось предположение, что эпиграмма имеет в виду офицера Р. И. Дорохова. Дорохов был человеком неудачливым в службе (был разжалован из офицеров в рядовые) и неуживчивым, что мало соответствует образу благополучного службиста, каким изображен адресат эпиграммы» [Пушкин 1955: 843]. С тех пор в пушкиноведении сложилась довольно странная ситуация: в комментариях к «Путешествию в Арзрум» из издания в издание переходит комментарий, где по-прежнему говорится, что стихотворение «Счастлив ты в прелестных дурах...» обращено к Дорохову, все, пишущие о Дорохове в ином контексте (в первую очередь, в связи с последним годом жизни Лермонтова), упоминают о том, что именно он был адресатом пушкинской дружеской эпиграммы, но в примечаниях к самому стихотворению в академических изданиях адресат не упоминается, как и куплет Вольтера.

Таким образом, возникает насущная необходимость вернуться к этим двум давним гипотезам и их действующим лицам и попытаться ответить на вопрос, каково место этих лиц в контексте пушкинской эпиграммы.

В первую очередь обратимся к куплету о шевалье де Буффлере и скажем несколько слов о его герое. Станислас де Буффлер (Stanislas de Boufflers, 1738–1815) был сыном знаменитой мадам де Буффлер (Marie Françoise Catherine de Beauvau-Craon, marquise de Boufflers, 1711–1786), официальной фаворитки свергнутого, но сохранившего титул польского короля Станислава Лещинского (Stanisław I Leszczyński, 1677–1766), жившего на покое в Люневиле, где у него был собственный двор. Буффлер, крестник короля, воспитывался при дворе Станислава, где был всеобщим любимцем, с детства сочинял стихи и упражнялся в живописи (его мать была весьма искусна и в том, и в другом, а в числе ее многочисленных любовников был Жан Франсуа де Сен-Ламбер). Однако в семье было решено, что Буффлер должен сделать карьеру священнослужителя, и юношу, несмотря на его

отчаяние и мольбы, отправили в Париж в семинарию Сен-Сюльпис, откуда он, впрочем, довольно скоро был отчислен за публикацию сочинений отнюдь не духовного содержания — сказки «Алина, королева Голконды» («Aline, reine de Golconde, conte en prose», 1761) и легкомысленных песенок. Благополучно избежав сутаны, Буффлер вступил в мальтийский орден и начал блистательную военную карьеру. В его жизни были взлеты и падения, опала и фактическая ссылка в Сенегал. Неприятности, в частности, бывали вызваны его чересчур острым языком и стремлением выставлять на публику плоды своего остроумия. Однако каждый раз он вновь оказывался на поверхности и закончил жизнь в почете, членом французской Академии, его некролог был напечатан и в России³.

В 1766 г., оставив на время военное поприще, Буффлер отправился путешествовать по Швейцарии и довольно долго гостил в Фернее у Вольтера, знавшего его мать и проникшегося к нему самому дружеским расположением. Именно к этому времени относится стихотворение, о котором идет речь. Оно отражает приятное препровождение времени молодого человека в Фернее, о котором он подробно писал своей матери, в частности, в письме, где описываются обстоятельства создания куплетов — параллельно Буффлером, мадам Крамер и Вольтером. Кстати, пикантный последний стих вольтеровского куплета, по всей видимости, относится всего лишь к совместному сочинению стихотворения⁴.

Среди обитателей имения был художник Жан Юбер (Jean Huber, 1721–1768), друг и постоянный портретист Вольтера, чьи забавные картины из повседневной жизни последнего были переданы в дар Екатерине II и хранятся в Эрмитаже. Среди прочих сторон таланта Юбера невозможно не заметить его явный дар карикатуриста.

³ Российский музей. 1815. Ч. 2, № 5. С. 211–215.

⁴ “Nous nous sommes amusés hier, une Dame Cramer, qui a beaucoup d’esprit et moi à faire des couplets. En voici un qu’elle a commencé <...> et que j’ai fini <Вчера мы веселились, остроумная госпожа Крамер и я сочиняли куплеты. Вот тот, который она начала <...> и который я закончил>”. И далее: “Écoutez-en une charmante, que Voltaire a faite pour moi à propos de Madame Cramer <Послушайте прелестный куплет, который Вольтер сочинил для меня про мадам Крамер>” [Boufflers 1782: 57–58].



Рис. 1. Жан Юбер. Вольтер и лошадь.

Именно с этим художником рисует герой «Куплета» («Он пишет с Вольтером, / Он рисует с Юбером»). Литературные и художественные опыты Буффлера были широко известны, о них упоминали в письмах Вольтер и Руссо, о них говорилось в многочисленных посвященных ему стихах. Кроме цитированного «Куплета», Вольтер посвятил Буффлеру стихотворение «A Monsieur Le Chevalier de Boufflers» (1766), где, в частности, говорилось:

C'est à vous, ô jeune Boufflers,
A vous, dont notre Suisse admire
Le crayon, la prose, et les vers,
Et les petits contes pour rire...⁵

В аналогичном ключе написано посвящение Буффлеру Бернара де Боннара (Bonnard; 1744–1784), вошедшее в «Лицей» Лагарпа [La Harpe 1815: XIII, 45]. В речи О. Э. Скриба (Scribe, 1791–1861), приведенной Пушкиным в статье «Французская академия» (1836), говорится: «Хотите ли узнать общество осьмнадцатого столетия? Это общество щегольское и

⁵ Вам, юный Буффлер, / Вам, чей карандаш, проза и стихи, / И забавные маленькие истории / Восхищают нашу Швейцарию... [Boufflers 1813: I, 342–343].

остроумное, рассудительное и скептическое, которое верило не в бога, а в наслаждения? Хотите ли иметь понятие о его нравах, философии и маленьких ужимках? Не спрашивайте комедию — она вам ничего не скажет! Прочтите песни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни» [Пушкин 1937–1949: XII, 55]. Пушкин, по-видимому, был неплохо осведомлен о биографии Буффлера — во всяком случае, уже в 1817 году, надеясь уговорить родных, чтобы ему разрешили по выходе из Лицея поступить в гусарский полк, в послании к Василию Львовичу он называл Батюшкова «русским Буфлером» и приводил его наряду с Денисом Давыдовым в пример того, как можно прекрасно совмещать поэзию с военной службой:

Скажи, парнасский мой отец,
 Неужто верных муз любовник
 Не может нежный быть певец
 И вместе гвардии полковник?
 Ужели тот, кто иногда
 Жжет ладан Аполлону даром,
 За честь не смеет без стыда
 Жечь порох на войне с гусаром
 И, если можно, города?
 Беллона, Муза и Венера —
 Вот, кажется, святая вера
 Дней наших всякого певца.
 Я шлюсь на русского Буфлера
 И на Дениса-храбреца... [Там же: I, 250]

Таким образом, Буффлер, герой стихотворения Вольтера прочно с юности ассоциировался у Пушкина с образом воина-поэта, при этом пользовался известностью как художник, был поставлен Вольтером рядом с собой-поэтом и с художником-карикатуристом Юбером — а также отмечен как любимец прекрасных дам. Все это очень близко подводит нас к персонажу, нарисованному Пушкиным в стихотворении «Счастлив ты в прелестных дурах...», который сопоставлен с известным в свете карикатуристом Эммануилом Карловичем Сен-При (1806–1828) и поэтом-воином Юрием Александровичем Нелединским-Мелецким (1752–1828) — кстати, еще и переводчиком Вольтера.

И все же стихотворение Пушкина принципиально отличается от предполагаемого французского источника, что, вероятно, и привело к тому, что гипотеза Лернера не прижилась в пушкиноведении. Если Вольтер описывает совместные занятия искусством своего героя с ним самим и с Юбером, то у Пушкина речь идет лишь о сравнении поэзии героя с поэзией

Нелединского и его карикатур с карикатурами Сен-При. Однако, если внимательно приглядеться к черновому автографу пушкинского стихотворения, то можно заметить одну любопытную вещь, на которую до сих пор никто не обращал внимания.

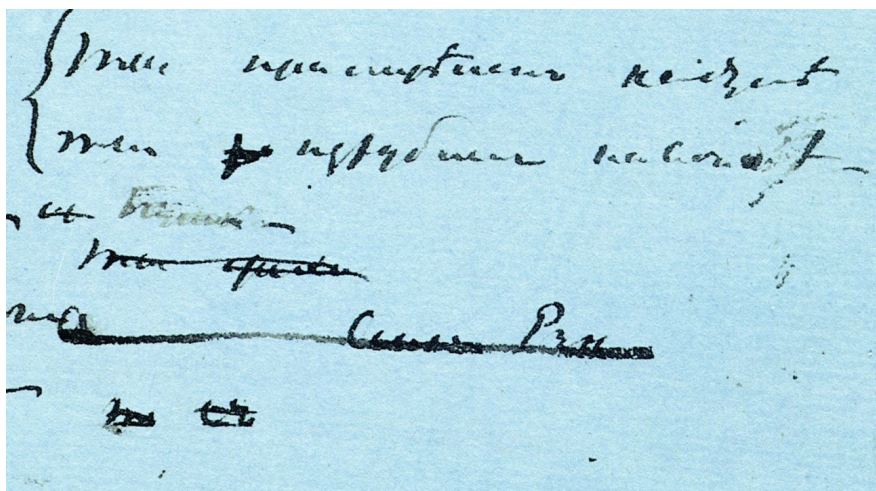


Рис. 2. Фрагмент автографа в тетр. ПД 841, л. 15 об.

Ниже фигурной скобки, объединяющей для переноса стихи «Ты прострелен на дуэле / Ты изрублен на войне», начато «Ты стихи» и выше вписано смазанное и трудно читающееся, но все же, кажется, вполне бесспорное «с Пушк—» — то есть, мы имеем все основания заподозрить, что первоначально предполагалось предоставить герою честь писать стихи непосредственно с Пушкиным — в точном соответствии с куплетом Вольтера. Как кажется, если и были сомнения относительно зависимости пушкинского текста от стихотворения Вольтера, то это обстоятельство должно их рассеять.

И тут приходит время приглядеться к тому, кто мог, хотя в итоге и не стал по сюжету писать вместе с Пушкиным, к адресату стихотворения «Счастлив ты в прелестных дурах...». Томашевский не случайно высказал свое, на мой взгляд, совершенно справедливое и напрасно потом отмеченное предположение именно в комментарии к «Путешествию в Арзрум». Черновик пушкинского стихотворения записан в так называемой «арзрумской» тетради ПД 841, первые 14 листов которой заполнены путевыми заметками, послужившими позднее материалом для «Путешествия». Вернувшись в Москву, на следующем, 15-м листе Пушкин начал писать заметку «Многие недовольны нашей журнальной критикою за дурной ее тон,

незнания приличия и т. п.». Заканчивается набросок словами «Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются языком *пьяного семинариста* <выделено мной. — Т. К.>»⁶. Затем, видимо, уже после поездки в Павловское и Малинники (где он работал на вырванных из тетради листах), по предположению Я. Л. Левкович, уже в Петербурге (то есть, не раньше 9–10 ноября), Пушкин возвращается к арзрумской тетради и на обороте того же 15-го листа начинает обрабатывать фрагмент кавказских заметок для публикации — верхняя часть листа занята фрагментом «Пушка оставила нас...», который затем в переработанном виде вошел в первую главу «Путешествия»⁷. И прямо под этим фрагментом появляется (записанный другим почерком и чернилами, но вскоре, поскольку уже 2–3 декабря «Северные цветы» с этим стихотворением были переданы в цензуру) черновой набросок нашего стихотворения. Как уже говорилось, Дорохов был спутником Пушкина на последнем этапе его кавказского путешествия — они вместе ехали от Владикавказа до Пятигорска и вместе проводили время за игрой в Пятигорске. Именно во Владикавказе заканчивается «Путешествие в Арзрум» и конец его всем известен: «Во Владикавказе нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца. Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» [Пушкин 1937–1949: VIII, 482–483]. Речь, как всем хорошо известно, идет о глумливом разборе «Полтавы», написанном Н. И. Надеждиным⁸, выпускником духовной семинарии (а затем и академии), которого Пушкин в то время не раз называл «пьяным семинаристом».

⁶ См. [Пушкин 1959–1962: VI, 298]. Эта заметка 1829 г. оказалась потеряна в Академическом собрании сочинений, где напечатана только ее позднейшая редакция, вошедшая в “Table-talk” [Пушкин 1937–1949: XII, 163–164].

⁷ Подробно о хронологии работы над автографами в этой части тетради см. [Левкович 1986: 263].

⁸ Вестник Европы. 1829. Ч. 164. № 8. С. 287–302; Ч. 165. № 9. С. 17–48.

Как кажется, все эти записи сходятся в одной точке и ведут к тем дням, когда слушателем чтения статьи, попутчиком и постоянным компаньоном Пушкина был именно Руфин Дорохов. Сведения о нем достаточно полно собраны в работах, посвященных последним дням Лермонтова⁹, но для понимания сюжета пушкинского стихотворения здесь надо напомнить некоторые факты его биографии.

Томашевский совершенно справедливо назвал его человеком неуживчивым — Дорохов был не просто неуживчивым, но крайне эксцентричным и необузданным. Сын генерал-лейтенанта, героя войны 1812 г. Ивана Семеновича Дорохова (1762–1815), чей портрет красуется в Галерее 1812 г. в Эрмитаже, выпускник Пажеского корпуса, отличавшийся редкой храбростью, Руфин Дорохов, казалось, мог рассчитывать на блистательную военную карьеру. Однако его бешеные выходки начали вредить этой карьере с самого начала. Так, М. И. Пущин вспоминал, как еще в Петербурге в 1823 г. встретил его на гауптвахте, разжалованного в солдаты и содержащегося под арестом за буйство в театре — по словам Пущина «в театре на балконе Дорохов сел на плечи какого-то статского советника и хлестал его по голове за то, что тот в антракте занял место незануменованное и им перед тем оставленное» [Пущин 1908: 424]. В 1827 г. Дорохов попал на Кавказ, где не раз отличался в сражениях, и все же так и не смог сделать сколько-нибудь заметной карьеры. Позднее, в 1837 году, уже выйдя в отставку, он вновь попал под арест и вновь попал солдатом на Кавказ, чудом избежав каторги, — из-за того, что ранил ножом карточного противника, которого уличил в шулерстве. Про него ходили слухи, что он был участником то ли 14, то ли 20 дуэлей, его склонность к рукоприкладству была настолько известна, что встретив его в 1829 г. на Кавказе, М. И. Пущин условием совместного путешествия поставил обещание, что во весь путь Дорохов не будет драться. К моменту встречи с Пушкиным во Владикавказе Дорохов уже успел нарушить обещание, избив своего денщика и слугу Пущина, и в дальнейшем совместном путешествии ему было отказано. Пушкин выступил ходатаем за него, «находя тьму грации в Дорохове и много прелести в его товариществе» [Пущин 1974: 94], и только благодаря его заступничеству Дорохову было вновь разрешено разделить компанию Пущина и Пушкина в пути на воды — но с дополнительным условием не прикасаться в пути к картам. Таким образом, драчун, дуэлянт, картежник и повеса Дорохов умел быть весьма обаятельным. Под его обаяние подпал не только

⁹ Наиболее полный свод см. [Герштейн 1986: 230–240]; см. также: Рус. писатели 1800–1917. Т. 2. С. 159 (статья И. Я. Лосиевского).

Пушкин — через 11 лет он станет другом Лермонтова, а еще через 11 произведет сильнейшее впечатление на А. В. Дружинина, расспрашивавшего его о последних днях Лермонтова, а также, по-видимому, на Л. Н. Толстого, по общепринятой гипотезе с него писавшего своего Долохова. Характерно, что, рассказывая Дружинину о своем знакомстве с Лермонтовым, Дорохов небрежно бросил фразу о том, что не знал его имени и стихов, поскольку не интересуется поэзией и книгами вообще. А затем поразил собеседника доскональным знанием лермонтовских стихов и того, что стояло за каждой строчкой [Герштейн 1986: 229]. Вероятно, Дружинин бы еще больше удивился, если бы узнал, что сам Дорохов начал печатать свои стихи еще в 1825 г.¹⁰ и продолжал это делать на протяжении более чем десяти лет. Его стихотворения сохранились и в бумагах Пушкина [Модзалевский, Томашевский 1937: 350]. Более того, сюжет про «писание стихов с Пушкиным» также имеет реальный биографический контекст — известный Пушкину или «приросший» позднее, как многое в биографии его героя (об этом ниже). Когда в 1858 г. С. А. Соболевский впервые напечатал в «Библиографических записках» стихотворение Пушкина «Иной имел мою Аглаю...», на публикацию откликнулся С. Д. Полторацкий, утверждавший, что стихотворение это не пушкинское, что оно принадлежит Дорохову и в его распоряжении есть «подлинник этой эпиграммы», написанный рукой Дорохова, с текстом, отличающимся от опубликованного, переданный Дороховым одному из приятелей. Действительно В. В. Крамер опубликовал текст копии, снятой Полторацким с этого автографа. Текст там следующий:

Иной имел младую Фрину
 За деньги иль свой черный ус,
 Иной ее клал на перину,
 Как итальянец иль француз,
 Иной — что был собой картина,
 Иной — что голосисто пел, —
 Теперь скажи, моя мне Фрина,
 За что твой муж тебя имел? [Крамер 1970: 69–71]

Соболевский справедливо высмеял предположение Полторацкого, упомянув между прочим, что знает не только Аглаю, но и все обстоятельства, связанные с пушкинским стихотворением — а также реальную «Фрину» [Два века 2004: 159]. Очевидно, что речь идет о переделке Дороховым пушкинского стихотворения для неких собственных обстоятельств. Когда была

¹⁰ Первые известные его публикации см.: Украинский журнал. 1825. № 7, 10, 11/12, 13, 14, 19/20.

написана эта переделка и знал ли Пушкин об этом случае «сотворчества» с ним Дорохова, установить, скорее всего, невозможно, однако, если знал, то вариант прописание стихов «с Пушкиным» становится довольно едкой шуткой. Примерно столь же острой, как упоминание о том, что герой пушкинского стихотворения «счастливы в службе»: к 1829 г. Дорохов, разжалованный в солдаты еще в 1820 году, отличившись в действующей армии, получив ранение и золотую саблю за храбрость, оставался в 28 лет в чине поручика. Правда, унтер-офицерский чин, чин прапорщика и поручика он получил за неполных два года незадолго до встречи с Пушкиным [Недурмов 1974: 178–179], однако, как кажется, говорить в этой ситуации что Дорохов «счастливы <...> в службе» можно было только с большой долей иронии. Столь же иронично звучит и утверждение, что герой «счастливы <...> в картах»: как известно из тех же воспоминаний Пуцина, за время, проведенное Пушкиным и Дороховым вместе в Пятигорске, когда наконец перестал действовать запрет на игру, они оба проигрались дочиста, попав в руки судя по всему опытного шулера Астафьева [Пуцин 1974: 95]. Пушкин проиграл «тысячу червонцев», выданную ему на дорогу Н. Н. Раевским, а Дорохов, по всей видимости, остался должен не только Астафьеву, но и Пушкину — «дороховский вексель» Пушкин пытался в 1831 г. использовать для уплаты долга в Опекунский совет [Пушкин 1935: 40, 373–374].

Возвращаясь к автографу пушкинского стихотворения (Рис. 2), обратим внимание на то, что после проб стиха «ты стихи» и «с Пушк» следует строка «А < > Сен Priest» и затем новая попытка что-то начать с «Ты съ» — однако, видимо, Сен-При не укладывался в сюжет: никаких данных о его знакомстве с Дороховым и каком-либо их совместном творчестве нет, а к 1829 г. была еще свежа память о скандальном, громком самоубийстве Сен-При, совершенном в 1828 г. в Италии [Пушкин 1937–1949: XIV, 12–13]. И мысль пошла в ином направлении, перейдя от «сотворчества» к сравнению.

Про художественные способности Дорохова мы практически ничего не знаем, но из воспоминаний о встрече с ним Дружинина известно, что Дорохов хранил альбом Лермонтова с большим количеством рисунков (главным образом, сценок из кавказской жизни) и шуточными стихами, а также что и у самого Дорохова был альбом, куда Лермонтов вписал несколько шуточных стихов и где был портрет Лермонтова, снятый с него в день смерти — то есть, по-видимому, снятый самим Дороховым [Дружинин 1989: 327]. Что еще было в этом альбоме, как и в альбоме Лермонтова, никто не знает и не узнает, поскольку они пропали во время последней экспедиции Дорохова, из которой тот не вернулся (тогда насилу удалось

выкупить у горцев его тело — о сохранности бумаг речи не шло). Однако основания предполагать, что Дорохов рисовал и, исходя из его характера, с большой вероятностью именно карикатуры, у нас есть. Как кажется, все сказанное не оставляет сомнений в том, что герой пушкинской дружеской эпиграммы, воин, поэт и художник, повеса и ловелас — именно Дорохов, а присутствие в тексте запрограммированной ассоциации с блестящим воином, поэтом, художником и любезным кавалером Буффлером, развлекающимся в Фернее у Вольтера, накладывает дополнительный отпечаток на неудачливого пушкинского героя.

История с лермонтовским альбом и лермонтовским портретом позволяет немножко выйти из рамок строгой академической логики и заметить, что не достававшее Пушкину звено — художник, с которым его герой мог бы вместе рисовать карикатуры, — появилось в жизни Дорохова уже после не только написания эпиграммы, но и гибели Пушкина. В 1841 г. про Дорохова, видимо, можно было в шутку сказать, что он писал стихи с Пушкиным, а рисовал с Лермонтовым. Но и на этом связь пушкинского стихотворения с судьбой его героя не закончилась — если в 1829 г. Пушкин про «разрублен на войне» (в автографе — «изрублен» — см. рис. 2) написал скорее для красного словца (Дорохов ехал лечиться от огнестрельной раны, хотя, вероятно, и сабельные прежде у него имелись), то в 1852 г. он был именно изрублен в последнем своем гибельном сражении. Так срифмовалась судьба Руфина Дорохова с посвященным ему шутивным стихотворением — как срифмовалась концовка куплета о Буффлере (“*De grâce, dis-moi, ma chère, / Ce qu’il sait faire avec toi?*”) с пунтом стихотворения, которое Дорохов писал «вместе с Пушкиным» («Скажи теперь, мой друг Аглая, / За что твой муж тебя имел?» или «Теперь скажи, моя мне Фрина, / За что твой муж тебя имел?»).

Литература

Герштейн 1986: *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1986.

Два века 2004: Два века с Пушкиным: Материалы об А. С. Пушкине в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) Каталог. СПб., 2004.

Дружинин 1989: *Дружинин А. В.* Из статьи «Сочинения Лермонтова» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.

Крамер 1970: *Крамер В. В. С. Д.* Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1967–1968. Л., 1970. С. 58–75.

Левкович 1986: *Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 243–277.*

Лернер 1929: *Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929.*

Модзалевский, Томашевский 1937: *Модзалевский А. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.; Л., 1937.*

Недумов 1974: *Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974.*

Пушкин 1935: *Пушкин А. С. Письма, 1831–1833 / Под ред. и с примеч. А. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935.*

Пушкин 1937–1949: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1937–1949. Т. 1–16.*

Пушкин 1949а: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1949.*

Пушкин 1949б: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М., 1949.*

Пушкин 1955: *Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 3 (Библиотека поэта; Бол. серия).*

Пушкин 1959–1962: *Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959–1962.*

Пуцин 1908: *Пуцин М. И. Записки // Русский архив. 1908. Кн. 3, № 11. С. 410–464.*

Пуцин 1974: *Пуцин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вацуро. Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., 1974. Т. 2.*

Boufflers 1782: *Boufflers S. de. Poésies et pièces fugitives diverses. Paris, 1782.*

Boufflers 1813: *Boufflers S. de. Œuvres. 1813.*

La Harpe 1815: *La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1815.*

Voltaire 1817: *Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1817. Vol. 11.*